

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В УГОЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ПРИМОРЬЯ В 30–е гг. XX в. (По документам Государственного архива Приморского края)

Юлия Павловна ЩУКОВСКАЯ,
научный сотрудник Государ-
ственного архива Приморско-
го края

В марте 2008 г. комбинат «Приморскуголь», одно из крупнейших объединений угольной промышленности, отметил свое 65-летие. Однако превращение угольных копей Приморья в мощную отрасль народного хозяйства имеет длительный исторический период. Первым государственным объединением, которое стало осуществлять планомерную работу угледобывающих предприятий Приморья, был трест «Примуголь», созданный в 1925 г. С 1925 по 1943 г. реорганизация структуры управления отраслью в крае происходила несколько раз, неоднократно менялась и ведомственная подчиненность.

Эта статья — попытка рассказать, каким образом и за счёт чего государство пыталось решать в годы первых пятилеток проблему обеспечения угледобывающих предприятий края рабочей силой. Автор использовала документы архивных фондов Государственного архива Приморского края — треста «Дальуголь» (ф.р. 1197) и комбината «Приморскуголь» (ф.р. 498), в который входят также документы трестов «Дальуголь», «Дальтрансуголь» и комбината «Дальуголь». Основные виды документов, содержащих сведения по теме, представлены в фондах отчетами по основной деятельности и капитальному строительству, пояснительными и бухгалтерскими записками к годовым отчетам, в том числе по вопросам труда, финансовыми планами по подготовке кадров и материалами к ним, а также конъюнктурными обзорами деятельности треста и рудоуправлений, приказами по тресту и его предприятиям (административно-хозяйственные вопросы и др.)

С завершением восстановления народного хозяйства перед угольной промышленностью, в том числе Приморской, стояли две задачи: обеспечение потребителя дешёвым топливом и увеличение экспорта угля. Для реализации этих задач край имел большие возможности (угольные запасы. — Ю.Щ.). Однако его трудовые ресурсы были весьма ограничены. IV съезд Советов, состоявшийся в апреле 1927 г., признавая положение

с рабочей силой в угольной промышленности почти угрожающим, предложил правительству разработать меры по переброске рабочих из одного района в другой. Именно эта мера — промышленное переселение и вербовка — могла реально обеспечить кадрами угольную отрасль. Ликвидация безработицы к концу 1920-х гг. и рост потребностей народного хозяйства в рабочей силе привели к тому, что почти единственным и основным источником её стала деревня (колхозы и единоличники).

До введения системы организованного набора, т.е. управляемого и контролируемого переселения, направленного на решение экономических задач, комплектование рабочих для предприятий, в том числе и для угольной отрасли, происходило через биржи труда или особо уполномоченных по вербовке и вербовщиков, которых посылали предприятия. В начале 1931 г. Народный комиссариат труда СССР установил, что вербовка рабочей силы должна производиться организованно на основе договоров между хозяйственниками и колхозами. Планирование мест вербовки, руководство и контроль возлагались на органы труда; проводили её непосредственно предприятия, которые сами определяли свои потребности в людях. С этого времени комплектование рабочими кадрами становится неотъемлемой частью промфинпланов предприятий и ответственность за недобор и неправильное их использование ложилась на хозяйственные органы.

Как отмечалось в Постановлении Совета Труда и Оборона от 3 марта 1931 г., чтобы новое дело приносило положительные результаты, необходимо было постоянно выявлять и учитывать трудовые ресурсы деревни, организовывать правильное распределение мест вербовки и, безусловно, отладить работу людей.

Однако недостаточное внимание хозорганов к организации вербовки привело к тому, что, как правило, аппарат формировался из людей малоквалифицированных, зачастую недостаточно грамотных, в том числе в вопросах, связанных со спецификой отрасли. Например, в годовом отчете треста «Дальтрансуголь» за 1933 г. отмечалось, что образовательный уровень работников вербовочного бюро в составе 4-х человек, предназначенного для Сучанского рудника, в отчетном году был ниже среднего. Поэтому предстояло организовать работу вербовочного аппарата так, чтобы её результаты положительно влияли на выполнение планов добычи угля. Управление снабжения кадрами Наркомтруда СССР предлагало сделать следующее.

Во-первых, выделять для этой работы ответственных лиц, во-вторых, аппарат по-возможности комплектовать людьми, знакомыми с условиями производства; в третьих, каждого уполномоченного прикрепить к району вербовки до окончания набора. Насколько выполнялись задания, настолько результативно проходила кампания каждый год.

Районы вербовки и планы после корректировки заявок от предприятий, в том числе в угольной отрасли, устанавливались НКТП и НКТ СССР отдельно по всем рудникам каждого треста страны. За все годы существования этого способа пополнения рабочими угольной отрасли Приморья их вербовали в Татарской, Мордовской, Башкирской республиках, Нижне-Волжском крае, в Центральной, Чернозёмной, Белгородской, Куйбышевской областях.

С вербовщиками проводили инструктивное совещание и знакомили с материалами, которые они получали под расписку. После завершения организационных мероприятий на пассажирском поезде уполномоченные отправлялись в Москву в распоряжение московского представительства, где заключались договоры на санитарную обработку вербованных и выдавались талоны на питание в пути.

Как проходила перевозка завербованных? До сборного пункта людей перевозили транспортом колхозного и единоличного сектора за плату (собственнику транспорта). От сборного пункта или железнодорожной станции до места работы переселенцев отправляли по железной дороге преимущественно специальными эшелонами, в каждом от 700 до 1700 чел. (с иждивенцами). Частично вербованных перевозили и небольшими группами — от 35 до 300 чел. с иждивенцами в товарно-пассажирских поездах. До самого рудника рабочих сопровождал начальник группы. Продолжительность пути составляла от 30 до 37 суток в эшелонах и 18—24 — в товарно-пассажирских поездах.

На дорогу (с места отправки. — Ю.Ш.) переселенцам выдавалась норма сахара, махорки, мыла. Хлеба — на 5 дней из расчета 400 граммов на рабочего и 200 граммов на иждивенца. Снабжение хлебом в пути было организовано через станционные буфеты, там же получали и горячую пищу. Стоимость обеда из двух блюд с хлебом составляла от 1 р. 20 коп. до 1 р. 60 коп.

В пути промпереселенцев регулярно обеспечивали газетами и журналами, а с места отправки эшелоны снабжали музыкальными инструментами и играми. Культурное обслуживание в пути организовывали партийные органы, а также начальники групп или начальник эшелона. Этим занимались и выезжавшие для встреч работники трестов и рудоуправлений. Санитарную обработку промпереселенцев проводили на сборных пунктах при отправке и в пути от трёх до четырёх раз в санпунктах городов Бугульмы, Иркутска, Бочкарёва, Хабаровска. Кроме этого, каждый эшелон имел санитарный вагон с медработником. На отрезке Уссурийской железной дороги из треста выезжал работник, который встречал переселенцев и отправлял их на рудники.

На месте после санобработки и медицинского осмотра переселенцев распределяли на шахты и цеха. Размещали их на постоянные квар-

тиры (если таковые были) и во временные бараки и палатки. Из-за нехватки помещений бывали случаи, когда семейных помещали в бараки с холостяками. Одиноким снабжали постельными принадлежностями — кроватями, одеялами, простынями, наволочками и матрацами. Постельными принадлежностями обеспечивали также нуждавшихся в этом семейных.

Вербованные получали аванс перед отправкой эшелона. Суточные выдавались из расчета на 25—30 суток пути 6 р. 50 коп. — 7 р. 20 коп. на рабочего, иждивенцам — по 3 р. 60 коп. Подъемные платили в размере 50% тарифной ставки рабочего и *j* тарифной ставки главы семьи на иждивенца. После оформления на работу промпереселенцам и вербованным окончательно выплачивали все полагающиеся суммы (за переезд). Остальную часть подъемных выдавали по истечении трех месяцев работы. Стоимость одного переселения в разные годы, естественно, была разной. Например, в 1934 г. она составляла 1499 р. 50 коп., в 1935—1325 р. 78 коп., в 1937 г. на переезд одного рабочего с семьёй из центральных районов затрачивалось 1175 р. 14 коп. Общая сумма расходов складывалась из следующих показателей: провоз по железной дороге, выплата суточных и подъемных, содержание вербовочного аппарата (общая численность которого по тресту к 1937 г. достигла 46 чел.), затраты по устройству и размещению, куда вошли расходы на постройку временных бараков и палаток, их отопление, снабжение домашним инвентарем и т.д.

В эти же годы применялась и такая форма переброски рабочих, как вербовка в центральных районах в порядке землячества, правда, количество завербованных таким образом было небольшим. Например, в 1936 г. в трест их прибыло всего 40 человек.

Дефицит в рабочей силе снижался не только за счёт доставки её из европейской части СССР, но и с помощью вербовки и найма в пределах Дальневосточного края и Приморья. Например, в 1933 г. таким путем на рудники поступило 392 чел. Набор проходил за счет рабочих Уссурийской железной дороги, уволенных в запас красноармейцев, изъявлявших желание остаться на Дальнем Востоке и конкретно в Приморском крае, а также освобожденных после летних сезонных работ и девушек, прибывавших на Дальний Восток по призыву Валентины Хетагуровой. На вербовку рабочего из мест ДВК затрачивалось 235 р., хетагуровки — 852 р., каждому уволенному в запас, оставшемуся работать в угольной промышленности выдавали единовременное пособие — 1000 руб. Размеры затрат, конечно, не были постоянными и могли меняться в разные годы.

Проводилась такая работа и среди освободившихся из мест заключения. Условия вербовки этих людей определялись договором между трестом «Дальтрансуголь» и Управлением Северо-восточных лагерей НКВД. В нём говорилось, что наниматель периодически направляет в Севвостлаг

заявки на необходимое количество как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих, а также на ИТР. Вместе с заявкой наниматель направлял подробные сведения об условиях труда и быта на предприятиях, в числе которых сообщалось о жилищных условиях, размере заработной платы по специальностям и разрядам, питании, культурно-бытовом и медицинском обслуживании, возможности переезда к завербованному семье и другие вопросы. Правда, от такого способа пополнения рабочих трест все же вынужден был отказаться, так как часть этих работников не являлась на предприятия, а которые приезжали, в большинстве своём продолжали заниматься преступной деятельностью, за что их высылали из пределов края.

К началу 1937 г. в угольной промышленности Приморья использовался и принудительный труд. В феврале 1933 г. Далькрайком ВКП(б) принял постановление «О работе на Дальугле». В документе говорилось о необходимости сохранения основных горняцких кадров Артёма. Решение этой проблемы Далькрайком видел в переводе шахт на лагерную рабочую силу. Для этого необходимо было принять более 4000 чел. для распределения их на шахты, подсобные предприятия, а также на индивидуальное и коммунальное строительство. Кроме этого, предлагалось перевести освоение и разработку рудника Райчиха полностью на лагерную рабочую силу, направив туда 2000 тыс. чел.

Для решения проблемы трудовых ресурсов привлекалась и такая категория, как тылоополченцы, находившиеся в подчинении Народного комиссариата по военным и морским делам. Это так называемые «лишенцы», т.е. лица, по разным причинам лишённые избирательных прав, которые по достижении призывного возраста подлежали зачислению в тыловое ополчение. С 1931 г. тылоополченцев стали призывать на службу, чтобы использовать на объектах оборонно-стратегического значения. Их привлекали к труду и другие ведомства на основании договоров. Самым масштабным и долговременным было использование таких служащих в угольной промышленности, в том числе в Приморье. В систему «Дальугля» тылоополченцы впервые поступили в 1933 г. (2,5 тыс. чел.). Далькрайком предлагал распределить их на угледобычу (Сучанскому рудоуправлению передавалось 1600 чел.), погрузочные работы и лесозаготовки для рудоуправлений. В общей сложности к 1937 г. на шахтах Артёма и Сучана работало 3070 чел. заключённых и 1200 трудоополченцев.

В феврале 1936 г. Дальний Восток посетил Л. Каганович. Результатом его поездки на предприятия угольной промышленности стала директива о замене заключённых Дальлага и тылоополченцев на вольнонаёмную рабочую силу. Начальник треста «Дальтрансуголь» докладывал, что необходимость Артёма в рабочей силе (кроме заключённых и тылоопол-

ченцев) составляла на 1936 год 2442 чел. Без этой категории потребность в рабочих возрастала до 4270. Следствием выполнения директивы такого положения явилось увеличение количества прибывавших по вербовке. Как значится в годовом отчёте комбината за 1937 г., на предприятия за этот год прибыло 26 785 чел. Всего за семь лет вербовочной кампании в трест было направлено около 35 тыс. основных рабочих. С учётом иждивенцев это число следует увеличить втрое. Таков был коэффициент семейственности, принятый для учета общего числа переселенцев.

По квалификации контингент вербованных — это землекопы, каменщики, бетонщики, печники, плотники, арматурщики, кровельщики, кузнецы, слесари, штукатуры, маляры, стекольщики и др. Приезжали, конечно, и представители горных специальностей, удельный вес подземных рабочих был разный. Например, среди прибывших за 1933 г. он составлял 90%, в 1934 г. на рудниках треста (около 2,5 тыс. чел.) забойщиков было 37 чел., крепильщиков — 46 чел., откатчиков — 13 чел. Самую большую группу всегда представляли чернорабочие, как правило, выходцы из сельской местности. По социальному составу большинство приезжих — это колхозники и единоличники. За ними шли рабочие и служащие — наиболее малочисленная группа. По возрасту основные переселенцы (как мужчины, так и женщины) были от 23-х лет и старше.

Как отрасль, привлекавшая кадры из крестьянской среды, непривычной к производственным условиям, в частности к работе в шахтах, угольная промышленность испытывала огромный дефицит в специалистах, так как прибывала в основном огромная масса неквалифицированной, малообученной и потому неполноценной рабочей силы. Во все годы организованного набора угрожающие размеры имела текучесть. Например, в пояснительной записке к годовому отчету за 1931 г. по тресту «Дальуголь» в разделе по вопросам труда значится число прибывших — 12 256 чел., а число убывших — 12 175. В иные годы число убывших было больше, чем число прибывших. Например, за 1933 г. только по рудоуправлению Артёма за отчётный год прибыло — 3495 чел., а убыло 3563. В целом по тресту за 1933 г. прибыло 8543 чел., убыло — 8165. Причины текучести, как правило, были одни и те же, и самая главная из них — жильё. Обеспеченность им не превышала 3,72 кв. м на одного человека. Да и само по себе оно зачастую было, мягко говоря, малоприспособленным для проживания. Отсутствовали коммунальные услуги и даже электрическое освещение. В одной комнате могли проживать 2—3 семьи. Нередко прибывших рабочих размещали в палатках по несколько семей (6—7, иногда 9). Далеко даже от удовлетворительного было культурно-бытовое и медицинское обслуживание. В результате скученности людей были распространены эпидемиологические заболевания, особенно среди детей. Например, в годовом отчете комбината «Дальуголь» за 1937 г. на Сучанском руднике отмечался

факт заболевания дизентерией 940 детей. Из-за отсутствия необходимых условий для стационарного лечения госпитализировать удалось только 161 ребёнка, остальные оставались в бараках. Низкая заработная плата по сравнению с другими отраслями также мало способствовала желанию надолго здесь оставаться. По данным Дальневосточной краевой рабоче-крестьянской инспекции, уровень заработной платы в 1931 г. по «Дальуглю» составлял 4 р. 58 коп., в то время как по Дальзаводу — 6 р. 14 коп. Для рабочих, особенно семейных, достаточно большим вопросом были перебои в снабжении продуктами питания и промышленными товарами.

Положение с обеспеченностью кадрами считалось настолько неблагоприятным, что в октябре этого же года на угольных предприятиях Приморья работала бригада ЦК ВКП(б) по выяснению причин текучести рабочей силы и изысканию возможностей для её уменьшения. Решить проблему можно было только улучшением материальных и бытовых условий, снабжением продуктами и товарами, организацией кредитования для постройки индивидуального жилья и приобретения домашнего скота. Немаловажное значение имела организация труда и технического обучения рабочих, что в свою очередь способствовало бы повышению производительности труда и заработной платы. В силу этого текучесть кадров имела непостоянный характер. К 1937 г. из-за отсутствия условий для проживания, технического обучения и связанного с этим целесообразного использования людей текучесть кадров на угольных предприятиях Приморья достигла громадных размеров.

Таким образом, вербовка и переселение из центральных районов страны как способ решения проблемы трудовых ресурсов для угольной промышленности Приморья в 1930-гг. не принесла ожидаемых результатов.

1. ГАПК. Ф.П.-1, оп. 1, д. 13.
2. Там же. Ф.Р.-1197. Оп. 1. Д. 4, 9.
3. Там же. Ф.Р. 498, оп. 2, д. 16, 22, 31, 64, 73, 83, 109, 135.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917—1928. М., 1967.
5. Индустриализация СССР. 1929—1932: документы и материалы. М., 1970.
6. Угольная промышленность Приморья (история, состояние и перспективы развития). Владивосток, 1994.
7. Угольная промышленность Приморья. Владивосток, 1997.
8. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном обществе (1917 — конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998.

SUMMARY: The article written by the employee of the State Archive of Primorskii Krai (G.A.P.K) Iu. Shchukovskaia addresses the issue of recruitment of delegations as one of the ways to provide workers for the coal mining sector of Primorie in the 1930s. This article is based on documents from the State Archive of Primorskii Krai.